УДК 9С2

М.Ю. Государева

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ В СТАМБУЛЕ В 20–30-е ГОДЫ XVIII ВЕКА

На документальном материале Архива внешней политики Российской империи раскрываются, помимо дипломатических, различные вопросы, входившие в ведение российского посольства в Турции в XVIII веке. Анализ деятельности первого постоянного дипломатического представителя России в Стамбуле И.И. Неплюева (1693–1773), возглавлявшего русскую миссию в 20–30-е годы XVIII века, позволяет судить о его весомом вкладе не только в укрепление дипломатических связей между Россией и Турцией, но и в становление русской дипломатической школы в целом.

дипломатия, Коллегия иностранных дел, резидент, Россия, Турция.

В эпоху Петра I произошли значительные изменения во внешней политике страны: «...от решения насущных задач национальной политики она перешла к постановке и решению типично имперских проблем» [154]. Это обусловило укрепление дипломатического аппарата России, создание своих постоянных представительств за границей и появление западноевропейских миссий в России. К концу петровского правления российские консульские и посольские службы существовали в двадцати странах, а одиннадцать иностранных государств имели к 1719 году своих представителей в России [155].

В обязанности постоянного дипломатического представителя – резидента (посла или министра – в XVIII веке еще не было четкого различия в этих терминах) – входило налаживание контактов и знакомств в различных слоях общества, создание круга «друзей»-информаторов, наблюдение и изучение всех сфер жизни страны своего аккредитования.

Однако в XVIII веке функции посланника были весьма разнообразны и не ограничивались дипломатическими делами. В архивных источниках сохранились сведения о различных вопросах, которыми, помимо основных задач посла, приходилось заниматься, в частности, главе российского посольства в Турции в 20–30-е годы XVIII столетия Ивану Ивановичу Неплюеву.

Большую роль в организации деятельности русской миссии в Стамбуле сыграло создание И. И. Неплюевым школы будущих переводчиков с обучением

---

[154] Турилова С. Л. История внешнеполитического ведомства России (1720–1832). М., 2000. С. 21.

[155] Там же ; Очерк истории МИД (1802–1902). СПб., 1902. С. 38.

русских учеников итальянскому, латинскому и турецкому языкам. При этом резидент советовал присылать учеников малолетних (10–12 лет), которых вместе с обучением можно содержать всего на двести пятьдесят левков в год (примерно сто семьдесят пять рублей). Он свидетельствовал на опыте, что взрослые ученики «...хлеба съедят много а прибыли профиту [выгоды] малого можно надеятца» [156].

В 1724 году инициатива исходила уже из Петербурга: в Стамбул были направлены от Академии наук четыре ученика из дворян для обучения турецкому языку
с назначением им жалованья. Российскому послу предписывалось отдать будущих переводчиков «добрым учителям» и «иметь над ними крепкое надзирание дабы они примерно обучались и тупее б время не препровождали» [157]. Знание турецкого языка было в тот период очень востребовано не только в русской миссии в Стамбуле, но и в Петербурге – из Турции начали приезжать дипломатические посольства в Россию.

Кроме присылаемых из России учеников, в школе переводчиков при посольстве обучались дети рейтар – курьеров посольства. Интересно отметить, что резидент не советовал принимать ни в ученики переводчиков, ни в курьерскую службу турецких подданных любой национальности, а «которые давно приняты, надобно тех без вреду свободитца» [158].

Учителями были сами переводчики русской миссии. Иван Иванович Неплюев заботился о качестве подготовки будущих сотрудников Коллегии иностранных дел (далее – КИД), предлагая правительству ввести материальную заинтересованность учащихся. Размер оплаты должен был зависеть от знаний и выдаваться после показанных успехов. Прибавка определялась в случае, «...ежели они простираться в науке не поленятся» [159]. В документах сохранилось любопытное донесение резидента от 17 декабря 1732 года о побеге из посольства ученика переводческих дел И. Наковальнина, уличенного в воровстве у сотрудников. И.И. Неплюев наказывал его мягко, розгами и увещаниями, не имея возможности выслать в Россию под караулом и надеясь на его исправление. Следующий эпизод характеризует отношение правительства Османской империи к России. Когда ученик ночью, бежав из посольства, обратился к начальнику янычар
с просьбой «потурчится», то есть принять ислам и перейти в турецкое подданство, его немедленно отправили к главе правительства. Не уведомив российское посольство, ученика той же ночью обрезали и приняли в подданство. Переводчик посольства, посланный утром ко двору от резидента, был поставлен перед свершившимся фактом, а ученик даже разговаривать с ним «непохотел» [160]. Несмотря на подобные исключения, обучение собственных переводчиков

---

156 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 89. Оп. 89/1. 1722 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 234 об.–235.

157 Там же. 1724 г. Д. 3. Л. 74 ; Д. 4. Л. 78–78 об.

158 Там же. 1723 г. Д. 5. Ч. 1. Л. 67.

159 Там же. 1732 г. Д. 7. Л. 116.

160 Там же. Д. 9. Л. 268–271 ; 1733 г. Д. 9. Л. 220–220 об.

давало результаты в расширении и упрочении российского представительства на Босфоре и, безусловно, было выгоднее найма переводчиков в Турции.

Российскому резиденту приходилось заниматься защитой и выкупом из плена как российских подданных, так и подвластных Порте христиан. В 1726 году И.И. Неплюев по указу императрицы Екатерины I выдал деньги одному греку из казны на выкуп его детей у турка, к которому они попали за долги отца [161]. Русский посол сообщал также об обращении к нему пленных российских подданных
с просьбами о выкупе или об отправке в Россию тех, кто смог сам выкупиться. Иногда резидент сам оплачивал выкуп из казны, о чем подробно отчитывался в реестре расходов посольства, и отправлял бывших пленных в Россию с курьерами миссии. Однако, не имея указов о допустимых казенных расходах на подобную статью, И.И. Неплюев просил определить сумму, которую возможно ежегодно брать из казны на выкуп пленных [162]. Сообщая о работорговле пленными в Турции, резиденты Неплюев и Вешняков просили «оставления» (прощения) им самочинного выкупа на сумму 1121 левк 30 пар шестерых «безвинно страждущих» российских военнослужащих, похищенных калмыками и проданных в плен [163]. Потребность Коллегии иностранных дел в переводчиках также осуществлялась иногда за счет выкупа из турецкого плена русских или поляков, владевших турецким языком и способных переводить письма. Их отправляли в Россию [164].

Среди разнообразной деятельности главы русской миссии в Стамбуле в рассматриваемый период были и сношения с патриархами православных церквей на территории Османской империи. После учреждения Священного Синода в 1721 году Петра I беспокоило признание его каноничности восточными патриархами. Константинопольскому патриарху Иеремии в сентябре 1721 года было отправлено послание императора с ходатайством о признании полномочий нового учреждения [165]. В начале 1722 года был получен несколько уклончивый ответ патриарха об отсутствии в данный момент остальных глав поместных церквей для утверждения Священного Синода [166]. В связи с этим И.И. Неплюеву был направлен рескрипт от 31 июля 1723 года, по которому ему предписывалось секретно выяснить: читали ли патриархам грамоту Петра I, их решение по признанию Синода и в чем причины промедлений с ответом [167]. Осенью того же года в Петербург пришел долгожданный ответ восточных патриархов, формально узаконивший церковную реформу Петра Великого [168].

---

[161] АВПРИ. 1726 г. Д. 6. Ч. II. Л. 368–369, 58 об. ; Д. 4. Л. 64–64 об.

[162] Там же. 1733 г. Д. 9. Л. 239.

[163] Там же. Л. 286–286 об.

[164] Там же. 1728 г. Д. 2. Л. 52.

[165] Карташев А. В. История Русской церкви : в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 514–516.

[166] Там же. С. 516.

[167] АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723 г. Д. 3. Л. 37 об.–38 об.

[168] Карташев А. В. История Русской церкви. Т. 2. С. 516–517.

Связи русского посла в Стамбуле с православными патриархами провоцировали некоторое недоверие в отношении турок к российскому дипломату. Иерусалимский патриарх, находясь в столице Османской империи, переслал Неплюеву книги на греческом языке через «секретные каналы» с просьбой отправить их в Священный Синод. Сам резидент с ним не виделся, опасаясь подозрительности турок при «здешних порядках» и «нынешней конъюнктуре» [169]. Вероятно, турецкие власти догадывались или знали о службе церковных деятелей в качестве российских «друзей»-информаторов еще со времен П.А. Толстого. Есть косвенные свидетельства об этом и в бумагах И.И. Неплюева. В 1724 году императрица Екатерина I в ответ на поздравления Константинопольского патриарха Иеремии с коронацией прислала Неплюеву благодарственную грамоту патриарху, которую резидент должен был «пристойным образом» передать. В том же указе Неплюеву предписывалось выдать жалованье патриарху «мягкой рухлядью» на три тысячи рублей [170].

Еще одно поручение резиденту было связано с грамотами, жалованными Киево-Печерскому монастырю и сгоревшими во время пожара. Раньше монастырь находился в ведомстве константинопольских патриархов, и в патриарших книгах остались копии грамот на вотчинные монастырские земли и доходы. По просьбе наместника монастыря Коллегия иностранных дел приказала Неплюеву «старание и труд приложить», чтобы склонить Константинопольского патриарха найти в архивах и сделать копии грамот, засвидетельствовать их верность своей рукой и отдать русскому резиденту для пересылки в Россию [171]. Через российское посольство в Стамбуле пересылались и пожертвования от царствующих особ ко Гробу Господню и восточным патриархам [172].

Одним из поручений русскому дипломату была отправка ко двору различных «заморских диковин». Согласно указу Петра I от 24 июля 1721 года, то есть в первые же месяцы пребывания нового резидента в Стамбуле, ему предписывалось посылать ко двору сухих «кракатиц» по сто штук каждые три месяца на средства из резидентской казны [173]. Правительство Екатерины I снабдило Неплюева целым реестром покупок. Резиденту требовалось купить и прислать в Петербург бальзам, розовое масло для цесаревны Анны Петровны, каракатиц, жженый кофе, ставку (походная палатка, шатер) и выслать одного «кофедчия» (человека, который толчет, жжет и варит кофе) [174]. Однако восточные специалисты не спешили в «дикую» Россию. Резидент доносил, что «здесь кофедчия и великим коштом [жалованьем,

---

169 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723 г. Д. 5. Ч. 1. Л. 15.

170 Там же. 1724 г. Д. 3. Л. 93.

171 Там же. 1728 г. Д. 2. Л. 27–27 об.

172 Там же. 1732 г. Д. 8. Л. 284, 286–287, 289–290.

173 Там же. 1721 г. Д. 7. Л. 186.

174 Там же. 1726 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 353–354 ; РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Кн. 78. Л. 1163–1166.

содержанием] едва ль можно приискать кто б в Россию поехал» [175]. Поэтому Неплюев отправил своего курьера, умевшего готовить кофе на турецкий манер, и предлагал использовать его знания для изготовления собственных печей-кофеварок и обучения других этому ремеслу в России [176]. При отъезде резидента на родину в 1735 году ему также было велено привезти с собой полевую ставку [177].

Важной функцией главы посольства являлась дипломатическая переписка. Личными корреспондентами российского представителя в Стамбуле нередко были сам канцлер Г.И. Головкин и вице-канцлер А.И. Остерман. Информация в этих письмах преимущественно дублировала в сокращенном варианте содержание реляций резидента на Высочайшее имя.

Следуя предписанию Коллегии иностранных дел российским дипломатам, И.И. Неплюев не только отправлял информацию в Петербург, но и вел переписку с другими русскими послами при европейских дворах, главнокомандующими российских войск в Персии и на Украине, киевскими губернаторами. Наиболее частыми его корреспондентами были посланники: Л.И. Ланчинский в Вене, Б.И. Куракин в Голландии, А.Б. Куракин в Париже, А.Г. Головкин в Берлине и другие [178]. В официальной переписке, кроме сведений о состоянии дел при султанском дворе, содержались и личные просьбы резидента в Стамбуле, например, об учебе его сына Адриана в Париже и в Голландии, а также поздравления с праздниками.

Переписка И.И. Неплюева с российскими военачальниками в Персии и Закавказье – генералами В.В. Долгоруковым, В.Я. Левашовым, А.И. Румянцевым, князем Е. Гессенгамбургским, киевским губернатором Вейсбахом и другими – носила характер официальных реляций [179]. Русский посол подробно сообщал о турецкой политике в отношении Персии, Крыма, пограничных территорий в Украине. Нередко письма содержали приложения протоколов конференций, официальных посланий турецкого султана или визиря к российским императорам, касавшихся спорных вопросов в этих регионах. Корреспонденты резидента в Персии
в свою очередь отправляли ему подробные отчеты о состоянии дел в иранских провинциях, о ходе разграничения там земель. Письма также сопровождались копиями переписки российских главкомов с турецкими пашами в Персии.

Портрет дипломата будет неполным, если не знать условий работы и жизни его в столице Османской империи.

Что же представляла собой русская миссия в Стамбуле в период пребывания Ивана Ивановича Неплюева в должности резидента? Помещенный по прибытии в Турцию в доме «без убору», И.И. Неплюев вскоре сумел добиться размещения миссии в резиденции, где жил еще П.А. Толстой и где им

---

175 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Кн. 77. Л. 825.

176 Там же. Л. 824 об.–825.

177 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1735 г. Д. 3. Л. 47 об.–48.

178 АВПРИ. 1722 г. Д. 10 ; 1723 г. Д. 10 (и другие за каждый год).

179 Там же. 1727 г. Д. 10.

была построена церковь. Из России к посольству определили постоянного священника, жалованье которому оплачивалось из посольской казны [180].

К 1732 году состав миссии так увеличился, особенно с созданием школы переводчиков при посольстве, что часть служащих жила на квартире чрезвычайного посланника князя И.А. Щербатова. Неплюев был вынужден нанять второй дом для себя и своего помощника А.А. Вешнякова, тогда как в прежней резиденции остались переводчики, ученики и копиисты. Донося в Петербург о найме дома, посол извинялся за вынужденное увеличение расходов, оправдываясь, «яко крайнею нуждею на то подвигнутый» [181].

Однако прочно утвердившийся к началу 1730-х годов авторитет Неплюева в Турции временами колебался из-за непостоянства турок. В 1733 году, в период очередного осложнения русско-турецких дипломатических отношений, резидент ожидал по меньшей мере высылки, поскольку «злоба» турок на него уже началась «отнятием загородного двора» [182].

Немаловажным фактором успешной деятельности дипломата является профессионализм его команды и взаимоотношения главы миссии со своими подчиненными. В трактате о послах П.А. Левашов особо говорит о выборе посольских служащих: «Выбор хорошего секретаря и дворецкого нужнее всех других служителей. Для посла в секретаре надобны – разум и уверенность, дабы неизменны были инструкции, цифирные азбуки, письма и дела посольства. Сие известно, что больше стараются подкупить секретаря, нежели посла…» [183]. И.И. Неплюев, разумеется, не мог выбирать себе людей. К нему были назначены из Коллегии иностранных дел переводчик Антонио Марини, секретарь Григорий Мальцев, курьеры и копиисты [184]. Позднее штат увеличивался, однако переводчик и секретарь оставались во все время службы Неплюева (Г. Мальцев – до своей смерти в 1726 году). Сказывалась петровская политика ответственного подбора кадров во внешнеполитическое ведомство империи.

И.И. Неплюев, безусловно, заботился о своих подчиненных. Однако, на наш взгляд, это было скорее добросовестное исполнение служебного долга, чего глава миссии требовал и от своих служащих, чем личное отношение к людям. Так, резидент прекрасно знал и из своего личного опыта, и из теоретического положения П. Левашова, автора трактата по дипломатии «О качествах, потребных послу»,
о подкупе в первую очередь секретарей и переводчиков посольства иностранными дипломатами и неоднократно использовал их в собственной дипломатической практике. Поэтому он пытался предупредить это зло в своем ведомстве. В 1722 году Неплюев писал в Петербург: «Как мы у других секреты уведывали, також и они от нас тщатся уведать, и того ради я Вашего Величества напредь сего о

---

180 Там же. 1721 г. Д. 8. Л. 24 об. ; 1722 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 48–56.

181 Там же. 1732 г. Д. 7. Л. 339.

182 АВПРИ. 1733 г. Д. 9. Л. 120–121.

183 О качествах, потребных послу // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 110.

184 АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1721 г. Д. 7. Л. 5–7 об.

прибавке жалованья Мальцову прошу, дабы он был… доволен и служил бы верно нелстясь на посторонние соблажнения к деньгам» [185]. Позднее последовала подобная просьба и о переводчике А. Марини [186]. Прошения И.И. Неплюева о своих подчиненных, как правило, удовлетворялись. В начале 1730-х годов по его ходатайству был произведен в секретари посольства А. Марини, «который здесь в отправлении дел инструмент нужный», повышено жалованье переводчику И. Бакунину за его «неусыпные» труды в обучении турецкому, латинскому и итальянскому языкам в школе переводчиков, а также доктору и «прилежным» ученикам. При этом сумма прибавки оставлялась на усмотрение главы миссии [187].

Подобно своему учителю, Петру Великому, Иван Иванович ценил хорошие кадры. Не раз в реляциях он отмечал способности и даже незаменимость своего секретаря и переводчика. Отправляя их с какими-либо поручениями в Россию (для сопровождения турецкого посланника или с донесением о заключенном договоре), резидент просит об их немедленном, по исполнении поручения, возвращении в Стамбул, «чего интерес Вашего Величества здесь требует», а без них «здесь дел… исправлять некем…» [188].

Занимался глава российской миссии в Турции и частными делами своих подчиненных. В регулярном бюрократическом государстве, которое начал создавать Петр I, жесткая регламентация касалась и личной жизни граждан. Служащий посольства не мог без разрешения посла жениться, а последний, в свою очередь, не мог позволить ему этого без указа из Коллегии иностранных дел. В документах сохранилась бюрократическая переписка по доношению переводчика А. Марини с просьбой разрешить ему жениться на дочери французского переводчика. Резидент запрашивал указа на это из Коллегии иностранных дел, и только официальным рескриптом из Петербурга просьба Марини была удовлетворена [189]. После смерти секретаря Г. Мальцева Неплюев занимался описью его вещей, бумаг, заемных писем, поиском должников и отправкой его имущества и возвращенных денег в Коллегию иностранных дел для передачи наследникам [190].

К сожалению, у нас почти нет сведений об отношении подчиненных к И.И. Неплюеву, поскольку все официальные бумаги русской миссии исходили от главы посольства. Сохранилось письмо к канцлеру Г.И. Головкину доктора Симона Пиллярно от 30 мая 1725 года, временно служившего при резиденте в должности секретаря, с жалобой на И.И. Неплюева, «удалившего его безвинно от службы» [191]. Пиллярно сетовал на «малопризнание» резидентом его двухлетних трудов. Из-

---

185 Там же. 1722 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 233.

186 Там же. 1726 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 1–1 об.

187 Там же. 1732 г. Д. 7. Л. 121 об. ; Д. 8. Л. 400–400 об. ; Д. 5. Л. 35 об. ; Д. 9. Л. 179–179 об. ; 1733 г. Д. 9. Л. 238, 241–242.

188 АВПРИ. 1722 г. Д. 6. Ч. 2. Л. 372 ; 1724 г. Д. 6. Ч. 2. Л. 324–324 об.

189 Там же. 1724 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 210–211 об., 218 ; Д. 7. Л. 114 ; Д. 4. Л. 60.

190 Там же. 1726 г. Д. 4. Л. 73–73 об. ; Д. 6. Ч. 2. Л. 479–482. ; 1727 г. Д. 4. Л. 51.

191 Там же. 1725 г. Д. 14. Л. 4–5.

за отсутствия средств, не получая вознаграждения от Неплюева, доктор был вынужден поступить на службу в турецкую эскадру. Узнав об этом, Иван Иванович не выплатил ему присланное из России годовое жалованье. Пиллярно просил канцлера разобрать его дело и определить ему жалованье по возвращении его с эскадрой из Африки. Г.И. Головкин отправил письмо Неплюеву с пересказом дела Пиллярно и запросом о времени его работы в русской миссии, жалованье, договоре, о службе в турецкой эскадре; интересовался, в какой службе в посольстве был употреблен и достоин ли какого-либо вознаграждения [192]. Интересно, что еще до жалобы доктора резидент доносил о нем в реляции от 9 февраля 1725 года, сообщая, что использует Пиллярно в качестве секретаря во время отсутствия Г. Мальцева. При этом Неплюев сам просил о выплате ему жалованья: «Он человек небогатый, хотя пищею и от меня содержится, однакож в протчем прожить не может, а о верности ево могу я Вашему Величеству засвидетельствовать, того ради… прошу пожаловать ему денежное награждение определить», добавив, что доктор может быть доволен двумястами пятьюдесятью рублями [193]. Однако узнав о найме его в турецкую службу, резидент кратко и резко отозвался об этом в письме к канцлеру: «Доктор мой Пиллярно службы Ея Императорского Величества приять не похотел», и он, Неплюев, будет искать «доброго человека» [194]. Русский патриот не принимал оправданий: для него это было предательством.

Приходилось главе российской миссии разбирать и конфликты своих подчиненных с турецкими властями. Курьер посольства был обвинен в неуплате греку долга в восемьсот пятьдесят левков, который ему нечем было заплатить. Турки требовали от Неплюева уплаты долга за курьера или выдачи его Турции для суда по их закону. Резидент опасался, что во втором случае пострадает авторитет России, поэтому уплатил долг из посольской казны. Однако И.И. Неплюев всегда отличался заботой не только о политических, но и материальных интересах Отечества. Поэтому он велел продать товары, принадлежавшие курьеру, а вырученную сумму внести в казну [195].

Работа русской миссии в Стамбуле, во многом благодаря ее ответственному главе, была четко налажена. Свои реляции Иван Иванович Неплюев отправлял в Петербург или в Москву в среднем два раза в месяц с курьерами напрямую в Россию, а в трудные времена – через Европу. Реляции были двух видов: секретные, зашифрованные цифрами, и «публичные» – нешифрованные.

В первых обычно сообщались сведения, полученные от агентов, реестры о расходах на подарки. В «публичных» сообщалась доступная или несекретная информация, а также личные просьбы резидента. С одной почтой отправлялось

---

192 Там же. Л. 5–5 об.

193 АВПРИ. Д. 6. Л. 39.

194 Там же. Л. 178.

195 Там же. 1723 г. Д. 5. Ч. 1. Л. 14–14 об., 38 об.

по два-три донесения в двух-трех копиях с большим количеством приложений, куда могли входить грамоты и письма турецких правителей к российскому императору или канцлеру, копии договоров, протоколы конференций с турецкими министрами, описания церемоний и аудиенций при султанском дворе, реестры о расходах, письма И.И. Неплюева к канцлеру и другим российским министрам, а главное, добытые резидентом через агентов письма к турецким министрам из Персии, Закавказья, Крыма, содержавшие ценную информацию
о политических шагах и намерениях Турции, движении турецких войск в Персии, их победах и поражениях.

Выполняя инструкции своего правительства, Неплюев давал подробнейшие отчеты – объем реляций составлял в среднем пять-семь листов, а в период напряженных отношений между Россией и Турцией – до двадцати и даже тридцати листов. Основная сложность заключалась в значительном расстоянии между Петербургом (Москвой) и Стамбулом. Курьеры добирались в среднем больше месяца в один конец. Два с половиной – три месяца резиденту приходилось ждать указов и инструкций.

Другой проблемой, связанной с предыдущей, была нехватка средств в посольской казне, нередко не успевавших вовремя доходить до Стамбула. Резидент понимал это и не ждал, занимая необходимые суммы у греческих купцов
и иностранных послов [196]. Особенно трудно Ивану Ивановичу приходилось в периоды угрозы разрыва мирных отношений между двумя империями. Резидента тревожила не только опасность собственного ареста или высылки, но и препятствия со стороны турок к отправке курьеров [197], невозможность занять денег на содержание миссии и «подарки», когда «не токмо греки денег дать и другия нации и послы ныне и практиковать с нами опасаются и приходит до того, ежели нужной случаи позовет что дневной пищи лишится» [198].

Главным достоинством российского резидента, по нашему убеждению, было неукоснительное соблюдение интересов Отечества. При отсутствии современных средств связи И.И. Неплюев проявлял достаточно большую самостоятельность, однако никогда не выходил из общего направления политической конъюнктуры указов Коллегии иностранных дел. Безусловно, он обладал способностью неплохо ориентироваться в обстановке и анализировать ситуацию. Практически всегда И.И. Неплюев получал Высочайшее одобрение предпринимаемых им дипломатических шагов и заявлений.

К заслугам дипломата относится организация русской миссии в Стамбуле, создание широкой агентурной сети, налаживание конструктивных связей с иностранными дипломатами. Он оставил после себя не только школу

---

[196] АВПРИ. 1722 г. Д. 6. Ч. 2. Л. 422 об., 455, 468 ; 1732 г. Д. 5. Л. 10–11, 16 ; Д. 7. Л. 338.

[197] Там же. 1722 г. Д. 6. Ч. 2. Л. 527–527 об. ; 1723 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 263–264, 308 об., 310.

[198] Там же. 1722 г. Д. 6. Ч. 2. Л. 422 об.– 423.

переводчиков при посольстве, но и своих учеников – будущих преемников на посту резидента – А.А. Вешнякова и А.И. Неплюева. Чтобы создать и обеспечить нормальное функционирование механизма русской дипломатической службы в изменчивой среде восточной политики, И.И. Неплюеву удалось добиться равного положения среди представителей западных держав в Стамбуле.

На наш взгляд, приоритет интересов государства в немалой степени способствовал успеху ученика Петра Великого на дипломатическом поприще. Анализ различных аспектов его деятельности на посту резидента в Стамбуле на протяжении четырнадцати лет позволяет говорить о весомом вкладе И.И. Неплюева в развитие русской дипломатической школы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 89/1. 1721 г. Д. 7, 8 ; 1722 г. Д. 3, 4, 6. Ч. 1, 2. Д. 8, 10, 16 ; 1723 г. Д. 3, 5. Ч. 1, 2, 10 ; 1724 г. Д. 4, 6. Ч. 1, 2, 7 ; 1725 г. Д. 4, 6, 14 ; 1726 г. Д. 4, 6. Ч. 1, 2 ; 1727 г. Д. 4, 8, 10 ; 1728 г. Д. 2, 7, 9 ; 1729 г. Д. 15 ; 1731 г. Д. 10 ; 1732 г. Д. 5, 7–9 ; 1733 г. Д. 9.

2. Государева, М.Ю. Личность в истории: И.И. Неплюев [Текст] : моногр. / РВВДКУ – Рязань, 2010. – 202 с.

3. Карташев, А.В. История Русской церкви [Текст] : в 2 т. – М. : Эксмо-Пресс, 2000. – Т. 2. – 816 с.

4. Климанов, Л.Г. Первый русский резидент в Константинополе [Текст] // Вопросы истории. – 1979. – № 12. – С. 176–180.

5. О качествах, потребных послу [Текст] / публ. С.Л. Туриловой, О.И. Овсянникова // Международная жизнь. – 1994. – № 1. – С. 96–102 ; № 5. – С. 105–111.

6. Очерк истории Министерства иностранных дел (1802–1902) [Текст]. – СПб. : Изд-во МИД, 1902. – 206 с.

7. Турилова, С.Л. История внешнеполитического ведомства России (1720–1832) [Текст]. – М. : Изд-во ин-та психологии РАН, 2000. – 80 с.

8. Cassels, L. The Struggle for the Ottoman Empire (1717–1740) [Text]. – L. : The Camelot Press Ltd, 1966. – 226 p.

9. Sumner, B.H. Peter the Great and the Ottoman Empire [Text]. – L. : Blackwell Oxford, 1949. – 80 p.

M. Yu. Gosudareva

Russian Diplomatic Mission in Istanbul in the 1720s-1730s

The article treats various non-diplomatic issues which were under the jurisdiction of Russian diplomatic mission in Turkey in the 18th century. Relying on the archive material on the foreign policy of the Russian Empire, the author analyzes the work of the first Russian

permanent ambassador to Istanbul I.I. Nepluev (1693–1773). I.I. Nepluev, who was the head of Russian diplomatic mission in 1720s–1730s, made a substantial contribution to Russian-Turkish diplomatic relations as well as to Russian diplomacy formation.

diplomacy, Department of Foreign Affairs, resident, Russia, Turkey.